

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Н.М. КАЗАНЦЕВ

Идеология права государству или идеология государства праву?

Вынесенный в название статьи вопрос заключает альтернативу из двух различных идеологий. По каждой из них могут быть построены как апологетирующая, так и критическая теории. Но задача теории, выполненной в академической традиции, состоит в построении критериев, по которым можно было бы определить, какова связь идеологии, права и государства в конкретном обществе и государстве.

Если исследование отношений идеологии, права и государства предпринимается как идеологическое, то следует вывод о том, что идеология составляет более высокий и основополагающий способ мировоззрения, нежели право. Если же при исследовании соблюдается академическая традиция, то примат идеологии над правом рассматривается как один из видов возможных отношений идеологии и права и наряду с ним формулируются другие виды таких отношений. Они могут быть названы. *Само право признается идеологией и системой высших духовных ценностей, которая в большей или меньшей степени реализуется действующим законодательством и государством.* В таком случае право понимается как естественное право, существующее прежде норм законодательства, которые лишь придают ему определенную вербальную юридическую форму, более или менее выражающую идею права.

В этом случае отношение между идеологией и правом исследуется с помощью некоей *метаидеологии*. Она, по моему мнению, классифицирует идеологии, выделяет идеологии истины, идеологии отношений, идеологии действия и идеологии качеств. Идеологии истины, или субстантивные идеологии, подразделяются на идеологии трансцендентной истины, то есть религиозные идеологии, и на идеологии корпоративной или партийной истины, приобретающие вид классовых идеологий. Идеологии отношений развиваются в само право, проходя стадии идеологии права, правовой идеологии и идеологии правомерности и законности. Идеологии действия посредством телеологии обретают смысл в идеологии прагматизма, реализующейся через различные программы и планы национального развития, доктрины и концепции совершенствования общественной практики, национальной экономики, социума, государства и хозяйства. Идеологии действия связаны с правом, они вытекают из него, ибо начинаются и исходят из правомерного действия, или, напротив, заявляют себя как правопреступные идеологии экстремизма. И когда воцаряются, то упраздняют право и отменяют действовавшие доселе законы, как это сделали большевики-ленинцы в 1917 г. В обоих случаях, *pro* и *contra*, они вторичны по отношению к праву и закону.

К а з а н ц е в Николай Михайлович – доктор юридических наук, профессор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

При этом на идеологию действия нацелена, в конечном счете, любая из идеологий, каждая стремится к тому, чтобы стать идеологией действия и потому идеология прагматизма выражает определенный этап зрелости нации и государства. Есть еще один тип идеологии – практика накопления исключительных субъективных качеств и ценностей, в том числе качеств личности, государственных институтов, законодательной и правоприменительной практики в судах и в исполнительной власти. Здесь качество правомерности и право также играют исключительную и первичную роль. Эта идеология, опираясь на идеологию трансцендентной истины и божественного происхождения права, многими столетиями вырабатывала из первоначальной партии или корпорации властезахватчиков национальную аристократию и через это – национальное государство и нацию параллельно с приобщением народа к цивилизации, воспитанием граждан. Но данный процесс обратим и для некоторой части общества всегда сопровождается происходящим одновременно пренебрежением ценностями, падением нравов и снижением личностных качеств человека. Такое вырождение также опирается на свою идеологию, проповедующую иные ценности: обман и ложь, низвержение и опускание граждан в низменное состояние, а народа – в нищету и вымирание, культуру – в сектантские культы и подражание; диффамация свободы, права и справедливости, подмена их законодательством и формальной законностью с последующими умалением и монетизацией прав человека, свободы, равенства и установлением культа власти в качестве доминирующей духовности.

В любом обществе живут, думают и действуют представители идеологий этих различных типов. В этом “бульоне” варится публичная политика, различные общественные движения. Каждый понимает иного по аналогии с самим собой, в одних случаях тождественно себе, видя иного как ближнего, в других – противоположно себе, рассматривая иного как свой инструмент и средство служения себе.

Метаидеотеория признает возможности исторических периодов развития каждого народа и его государства, в одних из которых идеология превалирует над правом, а в других имеется обратное доминирование. Бывают периоды, когда идеология существует на ином, нежели право, уровне осознаваемой общественной практики: религиозной идеологии в одних случаях и идеологии прагматизма и целевого программирования национального (государственного) развития – в других. Академический исследователь в таких случаях ставит задачу идентификации типа периода, выработки признаков кризиса и определения подготовки смены одного периода другим.

Вполне сложившиеся правовые государства выработали определенную идеологию, которую так и следует называть – *идеологией выростания государства из права и закона*. Обратный вариант – выращивание государства из идеологии неким властвующим сообществом, партией или монархией и формирование права как правил применения законов властителем. Первый вариант – правовое государство, которое может быть как демократией, так и монархией вроде современных монархий Европы. Второй – партийное государство. “Возникшая еще во времена Веймара теория партийного государства, углубленная и последовательно развитая Г. Ляйбхольцем в концепции плебисцитарного преобразования демократии... рассматривает партийное государство как суррогат непосредственной демократии в государственной сфере” [Изензее, Кирххоф, 1994, с. 52].

Немецкие государствоведы вели речь о том, что партийный строй преобразует плебисцитарно демократию потому, что демократия у Платона была вовсе не плебисцитарной, а аристократической, на выборах состязались аристократы. Но Ляйбхольц и другие веймарские государствоведы не предвидели вырождения многопартийной демократии в однопартийное нацистское государство, но именно однопартийность была следствием неограниченного и неуправляемого плебисцита. И монархия всегда создает себе правящую партию из так называемых лучших людей, то есть аристократии. История многих народов показывает, что второй вариант бывает предпосылкой или этапом для первого. Но и первый, правовой или республиканский, период, не вечен, он разлагается и сменяется империей, подобно тому, как республиканский Рим пал и оказался империей под властью императоров, с тем чтобы потом выпасть из одних авторитарных

рук, быть подхваченным другими и в конце концов стать итальянской, французской, германской и другими республиками, а также испанской, британской, датской и проч. монархиями и образоваться в Европейский союз. Монархии сохранились потому, что перестали быть самодержавными автократиями. Но так происходит у тех граждан, которые образовали нацию, а у других, образующих, согласно А. Пушкину, народ, – иначе, республики удерживаются в истории, пока они авторитарны. Пушкин в дневниках как-то записал, что граждане живут в республиках, а народы – в “государствах”.

Противоположной идеологией для идеологии правоустановления и правоусуществления государства, то есть идеологии правового государства, является идеология партийного государства, произрастающего из партийного сообщества лиц, объединенных общей деловой идеей, идеей общей практики пользоупотребления общества и народа. Другое название для партийного государства – корпоративное. В качестве такой идеи общей практики могут выступать весьма разные ценности идеократии, будь то идея строительства коммунизма или идея строительства капитализма с рыночной экономикой, а также идея построения религиознореализующего государства (клерикального или духовного), будь то мусульманское или православное. Более того, ими могут быть нацистская идея национальной власти и фашистская идея чисто партийного государства. Причем конечные результаты партийного употребления различных, даже противоположных идей и ценностей могут не быть столь диаметрально различны, как их смысл для формирования реального государства и осуществления в нем *реального права как практикуемых правил фактического применения норм действующего законодательства*. Этот предлагаемый мною подход к определению *права как фактически применяемых правил применения норм законодательства* важен для понимания особенностей права в государствах партийного типа. Во всех случаях реальная практика строительства по мотивам осуществления сверхценной идеи легитимизирует фактически правящую партию и формирует право, которое превосходит собой писаное право и законодательство тем, что образуется из *правил применения писаных норм законодательства правящей партией*, и тем самым право, в известной степени, освобождается от законодательства.

Предлагаемая концепция права может быть интересна и для исследования реального права в правовых государствах. Многопартийный характер этих государств вовсе не свидетельствует об их фактической многоидейной доктринальности. Но здесь произошло глубокое срастание закона, государства и права, и оно произведено настолько завершено, что в таких государствах уже не принято говорить об идеологии как о приверженности идеологизированного субъекта к какой-либо одной из альтернативных идеологий, ценностей, направлений и методов мышления. Идеология права и закона приобрела безальтернативный характер, эту идеологию также уместно называть идеологией конституционализма, и смысл ее в принятии нацией конституции, содержание которой объединило и выразило все существенные и первичные для нации национальные ценности принявшего ее общества. Народ стал нацией как единство граждан в праве и законе, и нация стала тождественна государству, превратив государственный аппарат в свой инструмент, в инструмент гражданской нации и гражданского общества. Особенность таких конституций и государств в том, что в них гражданская нация, или нация граждан государства, уповаает и надеется исключительно на саму себя и не впадает в искушение, впервые сформулированное еще Платоном, и с тех пор называется парадоксом Платона. Согласно ему, народ в условиях демократии вправе отдать свою власть и свободу в руки диктатора – самодержавного и деспотического властителя. Парадокс в том, что демократия оказывается правом и путем к недемократии, к авторитаризму. Как смысл человеческой жизни не состоит в движении к смерти, так и смысл демократии не состоит в свободе деспотизма.

Путь к практическому осуществлению парадокса Платона в условиях развитой демократии закрыт особыми институциональными формами государственного устройства. Например, Французскую республику у нас часто приводят в пример, утверждая, что это президентская республика с большой степенью личной власти президента рес-

публики. При этом умалчивают об *институте контрассигнатуры*, по которому лишь тот указ президента обретает юридическую силу, который будет контрассигнован, то есть подписан также и ответственными за его исполнение министрами и премьер-министром. В этом умалчивании проявляется привычная у нас идеологическая традиция, иная, нежели западная традиция правовой идеологии.

Инаковость проявляется в способе истолкования сути публичного права. В условиях *державного права* (так назовем тип правовой семьи, к которому относится не только Россия, но и многие сопредельные государства, не исключая убежденную в своем демократизме Грузию) – это право власти государства в отношении народа и гражданина. Но по доктрине стран гражданского, или романо-германского, права, а также общего (англосаксонского) права – это право каждой из трех сторон в формулировании и осуществлении общего интереса и общего блага. У нас считается, что для демократии достаточно плебисцитарно избирать властвующих лиц. В западных же демократиях общепринято, что демократия несовместима с тем положением, когда закон устанавливает публично-правовые отношения, обретающие форму односторонних властеотношений, и поэтому даже проекты нормативных правовых актов органов исполнительной власти должны не менее 30 дней обсуждаться с гражданами и их общественными объединениями, прежде чем быть принятыми уполномоченным государственным органом, как это, например, предусматривают законы об административной процедуре (в США такая норма действует с 1947 г.).

Идеология прагматизма и прагматизм идеологии как мировоззрения граждан, применяемого тогда, когда право предоставляет возможности выбора вариантов целей, действий, преследуемых конкретных ценностей, образуют венец развития идеологии, придают всякой идеологии видимость результативности. Идеология прагматизма выражается в разработке и декларировании разного рода целевых программ, планов социально-экономического (более обще – национального) развития, в концепциях развития отраслей промышленности и законодательства, в доктринах национальной безопасности и обороны, и т.п. Но реализация таких доктринальных документов происходит лишь по мере того, как они согласуются с правом и сами возвышаются до стогности и исчерпаемости юридических формулировок.

Принято полагать, что в отечественных доктринальных и концептуальных документах формулируются наиболее общие и важные направления деятельности государственной власти, а также ставятся цели, влекущие стратегические изменения социально-экономической характеристики состояния России. Увы, это не всегда так. В действительности чаще формулируются массовые чаяния, надежды, мечтания, безосновательные желания, а также самопроизвольно реализующиеся процессы, легко обеспечивающие осуществимость тех целевых программ государства или программ благотворительности бизнеса, которые были достаточно прочно приторочены к таким самореализующимся процессам. Естественная самореализация часто позволяет констатировать, что утвержденная ранее программа реализована, концепция – осуществлена, доктрина – воплощена в общественно значимых смыслах действительности.

Основания для такого вывода следующие. Во-первых, практически ни в одном из документов не разработаны формы мобилизации и применения каких-либо стратегических ресурсов для определенных конкретных и кумулятивных по своему образованию результатов развития страны.

Во-вторых, доктрины или доктринальные идеологические документы образованы такими семиотическими элементами (назовем их идеологемами), которые имеют форму так называемых простых распространенных предложений, образующих определенную семантическую форму – суждения. Суждения вследствие своей формы не могут выражать связь различных событий. Каждое суждение лишь обозначает отдельное событие, выражает лишь отдельное наблюдение вещи, вне связи с другими событиями. Суждения вследствие простоты своей односубъектной формы не могут выразить логические связи, имеют до-логический, вкусовой и, к сожалению, поэтому до-научный характер. Эта форма недостаточна для того, чтобы выразить умозаключе-

ние. Не только одного суждения, но даже и последовательности суждений недостаточно для того, чтобы однозначно для толкования сформулировать условные причинно-следственные связи и сформулировать многофакторные стратегии, то есть такие, в которых были бы определены вариативные виды целей и составы действий, которые бы выбирались в ответ и в противодействие изменившимся обстоятельствам и действиям акторов того мира, в котором осуществляется целевая активность.

Для того чтобы последовательность суждений образовывала умозаключение, необходимо выполнение следующих условий:

– все суждения в последовательности имеют общие или пересекающиеся по объему понятия, то есть в суждения входит либо одно и то же слово, либо слова, смыслы которых обладают родовидовым соподчинением;

– суждения в последовательности относятся к одному и тому же периоду и к одной и той же области пространства;

– суждения вынесены одним и тем же субъектом относительно одного и того же реального объекта или его частей.

В академических текстах, а также в текстах законов, содержащих правовые нормы в полной (гипотеза–диспозиция–санкция), а не в усеченной форме, эти условия, как правило, соблюдаются; но в доктринальных текстах власти на соблюдение этих требований не обращается внимания.

Таким образом, традиционная для российского доктринирования идеологий форма грамматического выражения идеологемы – суждение, а также последовательность суждений, в которые облечены известные и различные, утвержденные нормативными правовыми актами Российской Федерации доктринальные концепции и стратегии. Подобная форма, как правило, недостаточна для обеспечения последовательного и точного осуществления каждой такой доктрины в соответствии с ее буквой и каким-либо одним, определенным смыслом и значением понятий.

Доктрины и содержащиеся в них идеологемы имеют слишком бедную морфологическую структуру, чтобы нести в себе один определенный смысл. Напротив, смысл и значение доктрин, с одной стороны, неопределены до такой степени, что практически любая случайно осуществляемая деятельность не вступает в противоречие с ними и может быть истолкована как осуществляющая доктрину активность. С другой стороны, доктринальный смысл определен в том, что касается связи текста доктрины с массовыми ожиданиями провозглашения заботы об общем благе, номинации нравственных предпочтений, именованию моральных ожиданий, но совершенно неопределен для использования квалификации фактов реализации доктрины или отступления от нее, оценки последствий действий по осуществлению этой доктрины и отграничения от таковых действий, направленных против этой доктрины. Он будет недостаточен для оценки последствий осуществления идеологии и разграничения последствий, обязанных своим появлением естественному ходу порядка вещей, от тех, которые действительно обязаны своим появлением практике реализации идеологии и ее доктрины. Возможность использования доктринальных номинаций, то есть текстов в качестве предметов для контроля эффективности действий публичных властей, существует в той степени, в какой массовому сознанию свойственно умение редуцировать общедоступные номинации общепользных благопожеланий и ценностей до конкретных результатов конкретных действий.

В отличие от идеологий и их доктрин право создается посредством существенно более сложных и развитых форм. Такая первичная и элементарная форма права, как правовая норма, имеет три широко известных части, объединенных одним правоотношением и формулирующим его умозаключением, а именно – гипотеза, диспозиция и санкция. Модель такого умозаключения: если (гипотеза), то (диспозиция), иначе (санкция). Каждая из частей нормы выражается в форме простого распространенного предложения. Как правило, используются сложноподчиненные и реже – сложносочиненные предложения. Следовательно, правилом является формулирование правовых норм не в форме суждения, а посредством умозаключения. При этом санкции

для данной пары (гипотеза–диспозиция) могут находиться в иных законах, нежели данный.

Например, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства в виде, скажем, организации экстремистского сообщества могут быть пресечены в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях РФ, а юридически квалифицированы и наказаны судом согласно составам, определенным в Уголовном кодексе РФ. Однако исключительно суд может квалифицировать какую-либо политическую деятельность в таком качестве и разграничить ее с оппозиционной деятельностью. При этом российский уголовный закон непосредственно запрещает любые идеологии, в которых содержатся мотивы вражды и ненависти. Согласно ст. 1 Федерального закона 2002 г. “О противодействии экстремистской деятельности” под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по *мотивам идеологической*, политической, расовой, национальной или религиозной *ненависти* либо *вражды, а равно* по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Однако в законе не сформулированы признаки, по которым та или иная идеология была бы квалифицирована как идеология вражды или ненависти и могла быть выделена среди других неэкстремистских идеологий. Это право предоставляется суду для такой квалификации посредством юрисдикционной процессуальной состязательной формы потому, что метод умозаключений не может быть признан достаточным для совершения таких квалифицирующих деяний. Даже несостязательная, процессуальная форма, а именно инквизиционная процедура, по которой действуют следственные органы власти, не признается достаточной для вынесения объективного решения по делу.

Пресловутая инквизиционная процедура, как известно, лежала в основе не только процессов испанской инквизиции, но и советского следствия и судопроизводства в особых совещаниях с 1920-х до середины 1950-х гг. Существенно, что защитник назначался, но он вследствие идеологических мотивов примыкал к выводам следствия и фактически поддерживал обвинение. Так идеология искажает, деформирует процедуру суда и осуществление права и этим уничтожает правосудие, превращая его в “злобоправство” и “злобовластие”. Личностям В. Ленина, создавшего концентрационные лагеря и доктрину революционной “законности”, и И. Сталина, возглавлявшего партию коммунистической инквизиции и идеократическое государство, можно поставить в вину недостаток нравственности, неакадемическую и поверхностную образованность. Но дело не столько в личностях, сколько в сущности института партийного государства, подчинения государства правящей идеократической партии и ее идеологии, опирающейся на идеологию классовой ненависти и вражды.

Систематическое заблуждение политологии – представление о том, что идеология осуществима в соответствии с ее идеями и идеологемами. Идеи и идеологии всегда служат лишь пропагандистским прикрытием для политика, стремящегося к неограниченному расширению произвола власти через разрушение и отмену права и закона по идеологическим соображениям. Политик, действия которого не ограничены законом, вовсе не руководствуется идеологией, а лишь использует ее для осуществления свободы своей власти и своего произвола. О каком либерализме Б. Ельцина можно говорить, если права человека в России не только не соблюдались, но и подавлялись с помощью оружия? Расстрел здания Верховного Совета РФ был осуществлением вовсе не идеологии либерализма, а другой, традиционной для России идеологии державности и свободовластия. Но если бы не было этого ужасного деяния, то сейчас и не было бы Российской Федерации как единого и федеративного государства. Корпоративное противостояние Верховного Совета должно было быть пресечено, иначе Россия распалась бы. Идеология, собравшая в сентябре–октябре 1993 г. людей вокруг Верховного Совета, была недостаточна для того, чтобы объяснить им суть создавшейся ситуации. Идеология всегда эрзац мышления, замена умозаключения внутренними условными рефлексиями суждений, она призвана делать и делает человека управляемым, но не управляющим, понимаемым, но не понимающим. Критика либеральной идеологии

при Ельцине по основаниям ее применения – такое же злоумышление против истины и права, как и применение коммунистической идеологии защитниками подсудимых “особых совещаний” во время политических процессов советского времени.

Нормы права – более развитая и сложная смысловая форма, нежели идеологемы. Поэтому любая идеология – либо вырождение права, либо недоразвитое состояние права, указывающее на предправовое состояние народа. Идеология – зародыш права у народа, который еще не обрел права и не стал правовым народом, то есть нацией. Пусть даже этот народ и имеет свое законодательство. Законодательство без права возможно, но право без законодательства невозможно. Законодательство – необходимое, но недостаточное условие права. Право – достаточное условие для законодательства. Еще древние римляне разграничивали право и закон, *Jus* и *Lex*. Не всякое право понималось узаконенным и не всякий закон признавался правовым.

Идеология как зародыш права – необходимое условие для права, но далеко не достаточное. Народ может менять одну идеологию на другую и на третью, так и не обретая права. Право создается народом, достигшим высшей степени духовности, ее наличием и выражающим достигнутую и осуществленную высшую ступень духовности нации. Право или слово права и есть то самое Слово, которое было в начале Мира, которое было у Бога и которое было Бог. Мир создается правом, которое создается нацией. Нынешняя Россия имеет законодательство (что любопытно, даже в правовой доктрине право понимается как совокупность норм законодательства, регулирующих общественные отношения). Это означает, что даже на уровне определения понятия права Россия еще не обрела права как такового, как высшей реальности по отношению к закону и законодательству и использующей их для своего верховенствования в общественной практике и частной гражданской жизни. Отсутствие права при действующем законодательстве – не парадоксально, но исторически обусловлено, это начальный этап становления в России нации как нации граждан, гражданской нации, объединенной не общей этничностью, а законом и правом как правом нации.

Идеология – зародыш права, поэтому она может быть и выкидышем. Как это было в России последовательно с тремя идеологиями – самодержавия, партokratийного коммунизма (полагаю, это будет точным наименованием этой идеологии); нынешнюю же я бы охарактеризовал вовсе не идеологией либерализма, а совершенно иначе – *идеологией бюрократпрофитизма* (от английского слова *profit*, то есть прибыль). Конкретная идеология, вместо того, чтобы родиться младенцем права, становится выкидышем истории вследствие своей неорганичности для человека и общества как таковых, потому, что она противоречит их природе, хотя, может быть, и выражает какие-то этнические особенности того народа, у которого зародилась.

В качестве примера характеристик идеологий рассмотрим одну из наиболее обобщенных классификаций идеологий, а именно С. Хантингтона в его работе “Здоровый национализм”. Можно видеть, что каждая идеология – умственно ограниченное преувеличение вплоть до вырождения, *вырванного из тела права отдельного его правового принципа, института или нормы*, а именно: прав человека (либерализм); догмы справедливости (социализм); принципа стабильности и верховенства закона (консерватизм). Так, Хантингтон пишет: «В современном мире существуют три основные политические идеологии. **Либерализм** – идеология индивидуализма, свободных рынков, главенства закона, ограниченного правительства и права на жизнь, свободу и собственность – ассоциируется с именами Дж. Локка, А. Смита, Т. Джефферсона, И. Канта, Дж.С. Милля и других европейских и американских мыслителей XVIII и XIX вв. Его основную социальную базу составляют средний класс и буржуазия торговых, индустриальных и индустриализирующихся обществ. **Социализм** состоит из теорий, которые варьируются от социал-демократического реформизма до умеренного марксизма и радикального, революционного ленинизма и маоизма. Эти теории расходятся в вопросах о возможности социальных изменений демократическими средствами, о роли демократии в социалистическом государстве и о степени государственного контроля за экономикой. Тем не менее они соглашаются по вопросам существенной

роли государства в экономической сфере, экономического равенства, национализации ключевых производств и государственного содействия экономическому благополучию социальной базы социализма – бедноты, пролетариата и крестьянства.

В отличие от либерализма и социализма, классический *консерватизм* не направлен на реализацию особого представления о лучшем общественном устройстве. Он воплощает общее отношение к порядку и изменениям, охраняя первый и противодействуя последним. Цель консерватизма – “оградить, предохранить и защитить” существующие социальные, экономические и политические институты и культуру» [Хантингтон]. Добавлю, последовательный консерватизм препятствует принятию таких законов, которые бы вступали в противоречие с действующим законодательством и правом (что, надо сказать, разные вещи).

Если идеологию использовать в качестве основания государственного управления, то получится вовсе не системность государственного управления, а идеологическая заданность этого управления. Идеология как система противоположна системам естественного саморазвития. Государство – это власть суда, права и закона, лишь в этом случае возникает баланс классов и сословий, когда ни один не уничтожает пользу и развитие других и каждый служит и полезен остальным, осуществляя в обществе свою специфическую миссию. Иное дело – властительство, здесь доминант диктаторствует, он подчиняет право политике и идеологии своего властительства, исходит исключительно из интересов демонстрации своей доминантности, пресекая развитие остальных классов и сословий. Это понимание началось, например, в США, со знаменитой работы Т. Веблена “Теория праздного класса”.

Но для того чтобы создать государство классового симбиоза, как это предлагается назвать, нужно придать чиновникам, государственным служащим (как это существует в современных странах развитого права) юрисдикционный статус, то есть статус, непресекаемый по усмотрению политиков, возглавляющих государственные органы, но зависимый от отправления обязанностей исполнять, обеспечивать исполнение закона и права по делам каждого обращающегося в государственный орган гражданина или иного лица. Этот статус может быть ограничен исключительно по решению административного суда в странах гражданского права (романо-германского) или административного трибунала в странах общего (англосаксонского) права. Это не нанятый министром для себя по контракту исполнитель его политической воли, как в нынешней России, а юрисдиктор, который даже в отношениях с министром выступает как представитель государства по полномочиям своей должности, императивность которых обязательна как для этого чиновника, так и для его министра, возглавляющего государственный орган. Увы, такая доктрина государственной службы пока не нашла понимания в российском державно-идеологическом обществе.

В России есть традиция конституционной идеологии. Вспомним никем не отмененную на протяжении монархического периода России ее первую конституцию под названием “Соборное уложение Алексея Михайловича” 1649 г. Она была принята по той процедуре, по которой в Европе всегда принимали именно конституционные акты, – представительным органом – Собором. Она имеет состав правовых норм, характерный для конституционного акта. Продолжая традицию Судебника 1550 г., около 80 статей Соборного уложения были посвящены защите чести, прав и достоинства человека. И тем не менее иные современные борцы с либерализмом утверждают, что права человека, образующие основы настоящего либерализма, как и сам либерализм, якобы несвойственны российской традиции права и самой России как государству. Другое дело, что последующие монархи не обеспечивали исполнения и защиты прав человека (а в Соборном уложении защищались даже права самых несчастных людей в России – монастырских детей, живущих при монастыре подаянием на паперти. В зависимости от сословия человеку, их оскорбившему, полагалось наказание).

При взаимодействии идеологии и законодательства идеология может превалировать. Так, коммунистическая идеология была направлена против государства, провозглашая вслед за Лениным отрицание государства, и в конце концов, разрушила СССР.

Была у нас Конституция РСФСР 1937 г. – формально одна из самых демократических конституций в мире, но коммунистическая идеология игнорировала ее, установив партийную диктатуру. Но в Конституции 1937 г. никакой политической партии как некоего руководящего ядра не было предусмотрено. Лишь при Л. Брежнев, когда уже политическая система стала разлагаться и утрачивать дееспособность, в Конституцию РСФСР 1978 г. была вписана шестая статья о руководящей роли КПСС.

В XIX и в XX вв. у нас, к сожалению, осуществлялась идеология насилия, насилия над мыслью. Она существует и сейчас, например, когда мы говорим, что идеология у нас либеральная. Не было ее и нет. Почему? Потому, что либерализм – это идеология прав человека. В нашей же стране ситуация с правами человека, пожалуй, одна из худших среди всех европейских стран, даже по статистике обращений в Европейский суд. Фактически у нас господствует традиционная идеология насилия над народом. Был ли социализм насилем над огромным количеством людей, заключенных в ГУЛАГе? Оставляю этот вопрос без обсуждения...

Теперь поговорим о сегодняшней Конституции Российской Федерации. В ней государственная идеология уже установлена – это сама Конституция, поэтому она и запрещает устанавливать что-либо еще. Я настаиваю на этой позиции. Это само по себе неплохо, потому что провозглашать идеологией закон и право – нормально. Другое дело, как показывает Хантингтон, фактически каждая из трех идеологий – социализм, либерализм и консерватизм – является деформацией определенного правового принципа, и каждая из них уже права.

Мы ищем одну доминирующую идею в идеологии, но право содержит в себе не одну идею, а много конкурирующих и переплетающихся, друг друга ограничивающих идей. Поэтому оно всегда будет справедливее и демократичнее любой определенной идеологии. Важно называть вещи своими именами. Говорить, что у нас тоталитаризм, – заблуждение. Почему мы не можем противопоставить свою идеологию американской? Потому что американская идеология вырабатывается на внутренней критике, спокойной, свободной и жесткой. У нас же любое идеологически доминирующее сообщество, как только овладеет государственной властью, тут же пресекает всякую критику своей доктрины и поэтому она неизбежно слабеет, хиреет и вырождается, причем быстро, за одно поколение – именно потому, что ее нельзя критиковать.

У нас впереди капиталистический социализм. Но почему все-таки социализм? Потому что именно при социализме общее благо властвующего сообщества выше частного блага каждого его члена, тем более частного блага массового человека. Разве не таков был советский социализм, разве не в этом фактически состоял принцип подчинения личных интересов общим? Причем ради сохранения этого общего блага властекорпорации любой из ее членов может быть наказан, лишен благ и исторгнут из властеобщества, тем более человек массы. В отличие от социализма капитализм уравнивает по статусу и соизмеряет в деньгах общие и частные блага его членов. Посредством права и закона капитализм создает всеобщее благо, каковым становятся не только деньги, но и права человека, само право как ценность.

Различаются социализмы соотношением признаваемой ценности частного блага члена правящего общества и ценности общего блага лиц, подвластных ему. В докапиталистических социализмах ценность частного блага члена правящего сообщества безусловно выше ценности любого общего блага подвластных людей массы. Но капиталистический социализм предусматривает возможность ценового соизмерения этих ценностей, калькуляции убытков людей массы и возмещения их согласно рыночной цене, а не установленной по усмотрению властью. Здесь приоритет ценности частного блага управителей небеспорен, и поэтому возможен переход к более справедливому обществу и государству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Изензее Й., Кирххоф П. Государственное право Германии. В 2 т. Т. 1. М., 1994.
Хантингтон С. Здоровый национализм (<http://gazeta.rjews.net/hantin.shtml>).